
НА ГРАНИ ВЕКОВ

Л. М. СМИРНОВ

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК БАЗА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА СООБЩЕСТВ

В ценностной сфере человека есть как вполне сознаваемые аспекты, выявляемые всякий раз при просьбе обосновать свой выбор, оценку или поведение, так и действенные, заметно эмоционально подкрепленные, но плохо или совсем не осознаваемые составляющие. Внимательный анализ последних показывает, что они занимают существенное место в регуляции индивидуальной активности, мотивируя реально делаемые выборы, участвуют в порождении выбора базовых ценностей в данный момент и тем самым опосредованно сказываются на поведении. Поэтому при изучении устойчивых структур в сфере ценностей и связываемых с ними моделей поведения совершенно необходимо учитывать как глубинные составляющие вроде коллективного бессознательного (по Юнгу), когда речь идет об индивидуальных системах ценностей (Смирнов 2000: 141–164), так и важное для единства суперэтноса образование – общественное бессознательное, когда речь идет о надындивидуальных системах (Кульпин 2003; Смирнов 2005а).

На ряде конкретных примеров социологических обследований далее анализируются возможности выделения проявлений общественного бессознательного в материалах массовых опросов, в том числе и по вопросам о базовых ценностях. При этом наше внимание привлекали такие формулировки вопросов и соответственно такие ответы, которые обычно рассматриваются социологами либо как малоинтересные, либо даже как не удачно сформулированные, из-за того, что ответы опрошенных оказываются настолько едино-

душны, что не позволяют дифференцировать людей, выделять группы, отличные от других групп. С этой точки зрения также представляют интерес данные, собранные в опросах о ценностях методами, использующими шкалу.

Более двух десятилетий конца прошлого века, как, впрочем, и – в свое время – позапрошлого, отмечены возрастающим интересом к бессознательному. Не без влияния заметного литературного дара З. Фрейда и серьезной организации им и его адептами активного противодействия любым другим взглядам предложенная им трактовка стала наиболее известной и смогла обрести популярность даже среди широкой публики на Западе. Бессознательное стараются изучать не только по фрейдовскому определению как существенного в жизни людей, но крайне импульсивного, примитивного, иррационального (надо сказать, в работах, вышедших после 1922 г., он несколько расширил свое видение бессознательного), и даже не по Юнгу, который заметно ушел от рассмотрения только динамического, вытесненного из сознания.

Широта области неосознаваемого психического сегодня признана, и оно настоятельно требует изучения и все подробнее рассматривается при общепсихологических исследованиях памяти, при изучении восприятия, эмоций, установок, смысловых образований, предпочтений людей, принятии решений и т. п. (Тихомиров 1981; Dixon 1981; Ohman 2005; Williams *et al.* 1997; Winkielman *et al.* 1997; 2004; 2005; 2007; Zajonc 1980; 1984; Marcel 1983; Kihlstrom 1987; 2007; Смирнов и др. 1995).

Оказалось, даже описание социальных когниций людей очень неполно без обращения к общественному (социальному) бессознательному, то есть и социальная психология оказалась перед необходимостью пересмотреть свои позиции по поводу присутствия только чисто рациональных оснований социального поведения людей. Претензии психоанализа на единственно верное описание бессознательного стали тормозом для научного изучения последнего.

Словом «бессознательное» (для публики все то в психике субъекта, что не видится сознанием) в сложившейся практике как исследователи в области психологии, так и практические психологи пользуются для указания на самые разные вещи, часть которых можно обнаружить у всех, а часть – только у некоторых людей.

Одного бессознательного, общего для всех, нет. Когда исследователь или практикующий психолог говорит о бессознательном, всегда необходимо уточнять, что именно в данном случае подразумевается, о каком из разных видов «бессознательного» идет речь. Семантический спектр употребления слова получился довольно широким и разнообразным.

Например, **естественное бессознательное** – своеобразный банк невыученных врожденных ассоциативных связей и эмоциональных реакций, а не случайно укоренившихся из специфики жизненного опыта. Это все те психические процессы, которые протекают без сознательного контроля, но естественным образом взаимодействуют, участвуя в порождении сознания, и определяют как наше поведение, так и работу его сервисных механизмов, грубых и тонких настроек. К примеру, чтобы в пятнах увидеть лица людей, нужна работа естественного бессознательного. Похожих на нас людей мы воспринимаем скорее как хороших, похвала нам нравится, критика вызывает протест, бессознательное не воспринимает частицу «не», низкий голос кажется более статусным – тысячи таких широко известных и мало известных нам законов и закономерностей являются продуктом работы этого естественного бессознательного. Все остальные виды бессознательного базируются на существовании этого естественного бессознательного. Именно результаты его работы определяют законы общей психологии (хотя об этом редко вспоминают). Сюда, естественно, относятся и архетипы коллективного бессознательного (по К. Юнгу). Здесь слово «коллективный», использованное Юнгом, вовсе не является синонимом прилагательных «общественный» или «социальный», тут используется только одно значение слова как того глубоко внутреннего, но «присущего каждому члену коллектива». Сходно употребление слова в сочетании «коллективное представление» у Леви-Брюля, Дюркгейма, хотя в понятиях о «коллективном представлении» они и расходились.

Другое значение термину «бессознательное» придают известные эксперименты, в которых у больного перекрывались связи между двумя полушариями. Это, в частности, приводило к случаям, когда у больного начинали функционировать два разных сознания,

не будучи осведомленными о работе друг друга. Нечто похожее наблюдается в психиатрии в случае расщепления личности. В определенном смысле одно сознание для другого оказывалось бессознательным.

Бессознательное как приобретенный опыт. Память об успехах и неудачах, правильных и ошибочных решениях, радостных и грустных событиях и переживаниях, разнообразные жизненные решения, которые мы когда-то приняли (не обязательно осознанно) и в любом случае то ли забыли, то ли не вспоминаем. Опыт достижения, обучения, преодоления и побед.

Бессознательное динамическое (по Фрейдю) как продукт вытеснения. Это неосознаваемые побудители деятельности (первичные детские влечения, мотивы и смысловые установки), которые не осознаются из-за их социальной неприемлемости или рассогласования с другими потребностями, мотивами и установками личности.

Бессознательное (по жизни) как продукт веры. Кто во что верит, теми эта вера без нашего осознания, ведома и контроля и руководит. Если женщина верит, что приснившийся петух – к тому, что пора действовать, она, скорее всего, так и поступит. Если кто уверовал, что «западная демократия» – это вершина политического устройства, то вопреки всем нелицеприятным фактам всегда будет на стороне тех, кто насильно насаждает (большевистскими методами – интригами, ложью в СМИ, бомбардировками, экономической блокадой и т. п.) «демократию», забыв спросить, чего хочет народ (говорят: он не готов, мы знаем лучше, потом сам скажет спасибо), то есть, не планируя наделять народ (демос) кратией (властью). Кроме того, для практики психотерапии, рекламы, для политтехнологов важно, что многие люди допускают предположение, что за наше поведение ответственны не мы сами, а кто-то в нас, какие-то внутренние персонажи нашей души, нашей личности. Для детей это живущая в душе Каприза, для взрослых – голоса Родитель – Взрослый – Ребенок, субличности Критик, Саботажник и так далее – список у психотерапевтов всегда открыт.

Бессознательное по привычке как результат, продукт доведения до автоматизма. Это неосознаваемые механизмы (в частно-

сти, механизмы фиксированной установки), обеспечивающие беспрепятственное выполнение привычных поведенческих автоматизмов и стереотипов, применение в соответствующей ситуации имеющихся у субъекта навыков и умений. Лежащие в их основе операции первоначально осознаны; по мере их отработки и автоматизации они перестают осознаваться.

Подпороговое бессознательное. Это механизмы и процессы подпорогового восприятия объектов. Объекты, воспринимаемые на этом уровне, не даны в виде образа и не осознаются субъектом, однако они оказывают регулирующее влияние на протекание его деятельности (Bornstein, Masling 1984; Fudin 1986; Balay, Shevrin 1988; Weinberger 1992; Weinberger, Hardaway 1990; Смирнов и др. 1995; Смирнов 2003б).

Бессознательное как **потеря контроля** (трансовые состояния). Чтобы не иметь возможности управлять и вообще не осознавать ничего, достаточно убрать контролера. Алкоголь справляется с этой задачей – уничтожает в психике инстанцию контролера и создает бессознательное состояние. Итак, бессознательное как потеря возможности контроля – это особые психические состояния, характеризующиеся ослабленным контролем сознания (сон, гипноз, транс, аффект, наркотическое и алкогольное опьянение и т. д.).

Надсознательные явления (**интуиция** в творчестве). Это неосознаваемые механизмы творческих процессов, результаты которых осознаются как художественные образы, научные открытия, проявления интуиции, вдохновения, творческого озарения и др.

Бессознательное **общественное** (от культуры). Структуры общественного бессознательного – неосознаваемые языковые, культурные, идеологические и иные схематизмы, мифы и социальные нормы, определяющие мировосприятие людей, принадлежащих к данной культуре.

Понимание больших групп может быть достигнуто с многих различных точек зрения.

Большие социальные группы типа этнических, культурных, политических или даже национальных являются очень сложными образованиями, и возникают сомнения, ведут ли они себя согласно каким-либо (открытым или тайным) ясным правилам. Если от-

дельные процессы могут быть поняты исходя из общих законов, тогда то, какие значения примут используемые переменные, зависит от исторических условий и системы закономерностей. Социальные формирования описываются в терминах многочисленных свойств. Они могут быть проанализированы в терминах образцов взаимодействия, систем норм и систем коммуникаций: взаимодействие относится к отношениям и привязанности; система норм обращается к верованиям, нормам и ценностям; а система коммуникации обращается к передаче и обмену информации. Их анализируют в терминах стилей взглядов и чувств, лидерства и включенности (Норпер 2000).

Иногда делается вывод, что все управляется хаотически, но и тогда можно воспользоваться теорией хаоса, чтобы вывести смысл из того, что мы видим. С психологической точки зрения ищут метод, чтобы раскрыть «глубинную структуру» общества или культурных систем веры. В рамках психоаналитической и психодинамической традиции ищут некоторые бессознательные мотивы, которые направляют человека, группу или сообщества.

Понятие социального бессознательного

Что объединяет группу людей? Что является теми невидимыми связями, которые заставляют членов группы почувствовать, что они принадлежат к этой группе? Почему люди сами строят и затем проявляют привязанность к нациям и другим воображаемым сообществам? Что можно вывести из разделяемой скрытой системы верований, фантазий, мифов, которые выстраивают и цементируют большую социальную группу? Всякий раз, когда два или более человек оказываются вместе, возникает разделяемая бессознательная область, которой они принадлежат и о которой по определению не знают. Мы можем говорить о процессе относительного бессознательного, со-созданном обоими участниками.

Анализ групп (Bion 1961; Foulkes, Anthony 1957 и др.) давно превратился в психологию группы не только потому, что имеются несколько человек, участвующих во взаимодействии группы, но также и потому, что при этом они создают кое-что вне их индивидуальных вкладов. Психическая активность, происходящая в группе, намного больше, чем простое суммирование психики ее членов.

Основные предположения Байона (Bion 1961) – также пример постулирования бессознательного группы, потому что они подразумевают, что любой группе угрожают регрессивные силы изнутри нее. В состоянии регрессии группа ведет себя, «как будто» ее члены имеют некоторую общую, разделяемую, но скрытую цель.

Если мы соглашаемся, что группы имеют некоторые общие неосознаваемые фантазии и могут использовать коллективные защитные механизмы, мы должны также рассмотреть эту возможность в более высоких социальных структурах типа сообществ и даже общества. Это не означает, что большие группы и общества ведут себя как маленькие группы, но мы можем вывести из существования группы существование высокоуровневого подсознательного, которое имеет свои собственные особенности.

Наличие социального (группового) бессознательного обнаружили психотерапевты, которые помимо индивидуального анализа также использовали группы. Однако ряд существенных для понимания социального мира открытий, сделанных в ходе психотерапевтической практики в группах, оказались внутрицеховым достоянием и не были широко использованы ни для расширения научного понимания психики в целом, ни для детализации работы механизмов социальных явлений. Обнаруженные феномены группового бессознательного, групповой динамики для науки оказались почти забыты вместе с прохождением моды на психоанализ. Не привлекались эти знания и для научного углубления при описании целостной природы человека.

В науке сложилось двойственное отношение к тому, что же, в конце концов, конструктивного дали долгие споры в начале XX в. о природе бессознательного. Последователи психоанализа (и Фрейдской, и других школ, отошедших от ортодоксального фрейдизма) просто оказались никак не заинтересованы в научной проверке положений своей дисциплины. Такие исследования все же ведутся некоторыми учеными, как правило, не психоаналитиками, но среди последних вызывают скорее недоумение (им это ничего не дает, все, что необходимо для их работы, уже высказано). Отсюда очень мало внимания к научным проверкам оказывается со стороны соответствующих организаций и подавляющего большинства прак-

тикующих психоаналитиков. В этом нет ничего удивительного. Во-первых, по многим признакам школы психоанализа напоминают какой-то культ или гуманистическое движение. Тексты учителя (Фрейда, Адлера, Хорни, Юнга и т. д.) сакральны и, как любое Священное Писание, являются непререкаемым последним аргументом в спорах. Они заранее содержат все, что необходимо. При этом часть текстов хранится в архивах семей и никогда не печаталась, и к ней нет доступа (вроде какой-то аналог апокрифов). Нередки проявления нетерпимости к критике внутри школ и практика «отлучения» инакомыслящих, которые, создав свое направление, часто оказываются столь же нетерпимы к критике. Во-вторых, задача практикующих психоаналитиков – оказать психотерапевтическую помощь, эффективность которой определяет клиент (который за помощь платит), а не научность положений школы. Научная же психология считает выше своего достоинства вести проверку гипотез и фактов, изложенных скорее языком мифа, а не науки.

С другой стороны, место, занимаемое неосознаваемыми процессами в процессах памяти, внимания, мышления, эмоций, столь велико, что множатся соответствующие экспериментальные работы (Kihlstrom 1987; 2007; Bornstein, Pittman 1992; Weinberger 1992; Winkielman, Berridge 2004 и др.). Картина чисто рационального человека явно не полна. Как в свое время Макклелландом было введено понятие имплицитной мотивации (выявляемой им с помощью проективной методики), которая существует наряду с эксплицитной, так же и в социальной психологии в последнее время были введены понятия имплицитных аттитюдов, стереотипов и т. п. (Greenwald, Banaji 1995; Greenwald *et al.* 2002).

В западной социальной психологии, исходящей из собственно-го понимания связи индивида и общественных явлений, долго были очень популярны объяснения социального с точки зрения индивидуальных ментальных процессов. Однако исследователи позднее обнаружили, что о существовании многих из этих чисто психических процессов индивиды оказываются не осведомлены. Были разработаны интенсивные научно-исследовательские программы изучения таких когнитивных посредников социального поведения, как аттитюды или стереотипы, роль социального в таких подходах по-

прежнему принижается, и индивидуальность занимает главное место в изучении психологии. Соответственно исследования, подпитываемые индивидуально центрированной идеологией и политикой, маскируют собственно общественные процессы и структуры. Парадигма имплицитного социального знания дает пример того, как характеристики общественного мира перекраиваются, чтобы быть проинтерпретированы как психологические события индивидуумов. Критическое рассмотрение этой парадигмы не только объясняет, как риторически и теоретически такие программы это смещение проводят, но и показывает, что эмпирическое исследование действительно демонстрирует наличие общественного бессознательного.

Говоря далее о разных видах и формах бессознательного, неосознаваемого, внесознания (термин Либина), подсознания и т. п., естественно, мы не имеем в виду случаи потери сознания и забывчивость, то есть речь вовсе не идет об отсутствии в данный момент сознания.

Термин «неосознаваемое» используется по-разному: кто-то употребляет этот термин, чтобы избежать явно отягощенного шлейфом психоанализа термина «бессознательное» или «подсознательное» (но в основном для той же цели); некоторые же используют его, чтобы сослаться на события, которые могут наблюдаться только косвенно (например, определенные действия краткосрочной памяти); некоторые используют его, чтобы указывать на события, как, например, эмоциональные реакции на определенные запахи. Неудивительно, что нет прописанных договоренностей об отличии между неосознаваемым и бессознательным, отчасти потому, что они взаимодействуют друг с другом, отчасти, как это часто наблюдается и с другими терминами, из-за того, что психологи оказываются не в состоянии договориться об определениях.

Большинство физиологических процессов целиком сознательно не управляется, например дыхание, циркуляция крови, мигание и т. п., на этом базируются известная методика А. Р. Лурия и все работы с полиграфом. Не сознательный ум создает сны или мечты, вокруг которых мы бродим в ночи, спонтанно перемещаясь от одной идеи или воспоминания к другой. Творческие идеи также нередко упоминаются как то, что не исходит из сознательного мыш-

ления. Имеется в виду пробуждение, утреннее или среди ночи, иногда после сновидения, приносящее уверенность проникновения в проблему или ощущение найденного решения проблемы. Как форма проявления упоминается и интуиция.

Вся память преимущественно бессознательная, произвольное запоминание – маленький островок. Действие по информационной «загрузке» находится за пределами нашего сознательного ума и в сознании сразу отзывается осведомленностью. Мы забываем определенные вещи, но позже спонтанно восстанавливаем их.

Подсознательное восприятие. Известно, что только небольшая доля стимулов действительно достигает сознания. В противном случае, без работы восприятия, отфильтровывающего важное, мы были бы «завалены» миллиардами стимулов. «...Мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас» (Выготский 1982: 347).

Особенность развития человеческого восприятия – младенец не родится уже способным распознавать формы (пожалуй, за исключением лица человека), но должен построить то, что называется устойчивостью восприятия, в течение первых шести месяцев жизни.

Наша собственная мотивация может оказаться чем-то, о чем мы сознательно не осведомлены, хороший пример – влюбляющийся человек. Возможно, за несколькими исключениями почти все наши эмоции вызваны без отчета нам самим о том, почему они возникли именно в это время. И хотя мы все же можем проанализировать их позже, но уже как свершившийся факт. Мы говорим на своем родном языке, не подыскивая слов, не создавая сознательно грамматические фразы – все это делается на бессознательном уровне.

Ширится поток работ, посвященных неосознаваемым, но вполне влиятельным фактам предварительного не обязательно знакомого знакомства на предпочтения людей в дальнейшем (Zajonc 1980). Для этого, к примеру, объекты, фразы, слова могут предъявляться на очень короткое время или на подпороговом уровне интенсивности. Возобновился интерес к использованию в экспериментах с бессознательным гипноза.

Определенный вклад в изучение бессознательного дают новые инструменты, расширяющие арсенал нейрофизиологии. Так, маг-

ниторезонансная томография позволяет без вживления электродов увидеть активацию разных областей работающего мозга, а достигнутая точность локализации электрической активности позволяет сделать выводы, к примеру, что в определенных условиях бессознательное решение приходит задолго до его осознания. Иногда разрыв достигает 10 секунд – нам кажется, что мы только собираемся выбрать, какой рукой произвести движение, а мозг уже давным-давно определился (Tusche *et al.* 2010).

Многие автоматически работающие механизмы, участвующие в познавательных процессах, никак себя не обнаруживают в сознании, однако выполняют очень важную функцию по предварительной обработке информации на очень высоком уровне сложности. Если излишне увлечься их ролью, то может показаться, что от самого сознания мало что зависит, в него попадает только уже бессознательно отфильтрованная информация, поэтому и выводы его предreshены. Картина, противоположная всем надеждам на рациональность.

Естественно, эта крайняя позиция, представляющая людей автоматами, не способными что-то самостоятельно планировать, – просто отголосок эйфории от результатов исследований, переоцениваемых из-за долгого отсутствия реального учета участия блоков бессознательного в психической регуляции поведения и активности людей.

С точки зрения анализа данных массовых опросов (Смирнов 2005а) соответствующее общественное бессознательное может проявиться там, где для всего суперэтнуса не размыта мы-идентичность, где неприемлема дифференциация по культуре или отдельным позициям ожиданий, признаваемых проблем и т. д. Можно посмотреть, насколько приемлема общность истории, к примеру, насколько сохранилась память о людях, которые в свое время готовы были отдать жизнь за Родину, во благо всех. Важно и приятие если не всей, то некоего ядра русской культуры как своей, например, существенно место в иерархии распространенности «традиционалистских» ценностей в декларируемом выборе.

Мы уже писали (Смирнов 2003а; 2005б), что массовые опросы с 1993 по 2001 г. включительно показывают, что, несмотря на наличие некоторых отличий выбора ценностей в разных слоях российского общества, скорее следует говорить об относительной однородности структуры выбора базовых ценностей, а различия больше соответствуют легким трендам и тонким структурам, значимые отличия обнаруживаются только в отдельных случаях и только для молодых и пожилых людей. Еще меньше дифференциация при выборе контрценностей. Заметные отличия возникают при выборе ценностей «для себя» и «для страны». Они описаны в работе (Смирнов 2003а). Более того, наибольшую распространенность при декларируемом выборе имеют ценности, названные нами «традиционалистскими», то есть способствующие воспроизведению сложившейся культуры. Однако за последнее десятилетие мы видим следы продолжения ранее легких, но неизменных по направлению трендов. Готовность к преобразованиям – по-прежнему удел активного меньшинства (выбор ценностей адекватных вызовам изменений в обществе – названных нами условно «модернистскими» свидетельствует об этом). Атомизация общества, активно навязываемая в 90-е гг. под лозунгами «больше свободы и демократии», идет в сторону индивидуализации, продолжая размывать основу общественного бессознательного, основу единства надежд и целей. Действительно, мы наблюдаем нарастающий распад традиционных связей в большом обществе в результате слабости социальных интеграторов, культурных и организационных, в частности экономических. Других же оснований, кроме традиционного общественного бессознательного, для солидарности в изменившемся обществе не просматривается. С индивидуализацией, однако, не все так просто. На основе некоторых примеров раскрытия содержательного наполнения ценностей можно говорить о том, что нарастающий индивидуализм ценностей носит ярко выраженный потребительский характер. Это высокий заработок любой ценой, это стремление взять от жизни как можно больше и как можно быстрее. Даже если речь идет о ценностях межличностных или связанных с интимно-личностным общением – о любви, доверии, –

все равно привкус потребительства сохраняется. Это социальная поддержка для себя, помощь себе. *Такой индивидуализм* противоречит самой идее индивидуализма, поскольку не является результатом свободного, зрелого выбора, это как бы индивидуализм по неволе, потому что других вариантов не остается.

Попытки заменить традиционную культуру массовой оказались не столь успешными, как ожидали авторы проекта. Хотя атомизация общества и нарастает, но массово культура в России не становится «западной». И процессы глобализации, давая возможность проще ознакомиться с образцами не только потребления, но и другого мировоззрения, не отменяют наличия своей традиции и в России, и в Китае, и в других регионах. Легкость знакомства с другой культурой не означает автоматического ее принятия. Леунг и др. (Leung *et al.* 2005) поясняют для западного читателя ситуацию стойкости сохранения традиционных ценностей в условиях глобализации очень наглядно. «Действительно, – говорит Леунг, – мы (а часть соавторов – американцы. – Л. С.) видим, что приемы кунг-фу доминируют в единоборствах во многих голливудских фильмах типа *Матрица: Перезагрузка*, китайские рестораны в изобилии представлены на Западе, однако кажется неправдоподобным, чтобы американцы или европейцы поддержали больше китайских ценностей из-за их нежного отношения к китайским кунг-фу и к еде» (*Ibid.*: 359).

Переход в городах к западным стандартам потребления не привел к принятию западных ценностей. Например, в опросах о том, что главное в воспитании детей, такие альтернативы, как «формирование гражданской позиции и убеждений» и «приобщение к демократическим ценностям», собрали наименьшее число сторонников, всего 4 % и 3 % соответственно, а, например, на необходимость образования указали 53 % отвечавших (ВЦИОМ, прессыпуск № 1236 от 01.06.2009).

Итак, в нашем распоряжении в основном есть данные опросов, которые хорошо освещают далеко не все области неосознанного согласия всего населения России, а только некоторые темы. Это проблемы семьи, воспитания детей, государства, патриотизма, отношения к демократии.

Обратимся к данным опросов 1993 г., когда люди еще, видимо, не осознавали, какое общество будет формироваться в России. Однако они прекрасно предчувствовали то, какие проблемы следует решать политикам (которые реально игнорировали замеченные обществом опасности, увлекаясь дележом власти и вытекающих из нее материальных выгод).

Итак, в данных ФОМ, собранных в августе – сентябре 1993 г. по результатам большого всероссийского опроса (мониторинг 3483 человек, репрезентирующих население всей России), среди других находим результаты ответов на вопрос: **какие самые важные действия должен постараться выполнить тот политик, за которого вы бы отдали свой голос на выборах?** Наибольшую поддержку получили и наиболее единодушно выбирались следующие четыре из 26 предложенных альтернатив (в процентах от опрошенных по столбцу, выбрать можно было несколько альтернатив):

	Все	до 24 лет	24–45	46 и старше
Добиться повышения уровня жизни населения	86,2	82,9	86,8	86,8
Жестко бороться с мафией, коррупцией	81,7	71,5	83,2	83,9
Добиться жесткого исполнения законов	66,5	52,7	66,4	71,8
Поддержать науку, остановить утечку умов за границу	64,8	71,3	65,8	61,5

Мы видим, населением почти единодушно (по крайней мере, это справедливо для первых двух альтернатив) были выбраны наиболее уязвимые с точки зрения будущего страны точки, на которых политикам в демократической стране надо было бы сосредоточиться. При этом среди молодежи уже видны следы активной работы СМИ по навязыванию другого взгляда на жизнь. Когорта молодых (до 24 лет) значительно реже остальных выбирает борьбу с коррупцией и меньше ратует за жесткое исполнение законов. И эта же когорта чаще других выбирает поддержку науки и предотвра-

щение утечки мозгов. Видимо, полагая, что ее при наибольшей собственной динамичности и наличии хорошего образования это более всего касается.

Однако политиков, соответствующих массовым ожиданиям россиян в 1993 г., за все последующее время так и не нашлось. Так, в 2005 г. 70 % россиян не смогли указать ни одного политика, деятеля культуры, ученого, общественного или религиозного деятеля, которого можно было бы назвать «совестью нации» (ВЦИОМ, пресс-выпуск № 242). И в 2008 г. (ВЦИОМ, пресс-выпуск № 947) на вопрос: чтобы стать привлекательной страной, России надо... – люди отвечали: первое – повысить доходы граждан, и второе – преодолеть коррупцию. Поэтому и неудивительно, что в 2009 г., как и ранее, в 1998 г., больше половины населения неизменно считает, что «порядок» для России сейчас важнее «демократии» (ВЦИОМ, пресс-выпуск № 1469):

Как Вы считаете, что сейчас важнее для России?

(закрытый вопрос, один ответ)

	1998	1999	2000	2010
<i>Порядок, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод</i>	69	74	75	72
<i>Демократия, даже если последовательное соблюдение демократических принципов предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам</i>	15	11	13	16
<i>Затрудняюсь ответить</i>	15	14	13	12

Однако при этом необходимость собственно «демократии», но не «западной демократии» вполне осознана (Левада-центр «Общественное мнение 2008» – этот и другие указанные сборники есть на сайте Левада-центра – <http://www.levada.ru/sborniki.html>):

Как Вы думаете, нужна ли России демократия?

	2005 июнь	2006 декабрь	2007 декабрь	2008 июнь
Да, России нужна демократия	66	56	67	62
Нет, демократическая форма правления не для России	21	27	16	20
Затруднились ответить	13	17	17	18

И, действительно, одновременно отвечая на уточняющий вопрос о пути к «демократии», мы видим, люди не заблуждаются о том, что путь для всех стран един.

(Левада центр «Общественное мнение 2007»):

Как Вы считаете, все страны движутся к демократии одним путем или каждая страна проходит свой путь к демократии?

	2006 март	2007 март
Все страны движутся к демократии одним путем	10	7
Каждая страна проходит свой путь к демократии	78	81
Затруднились ответить	13	12

Мы уже подчеркивали (Смирнов 2005а), что данные всероссийских опросов 1993, 1995 и 1999 гг., имеющиеся в нашем распоряжении, ясно говорят в пользу амбивалентного отношения людей к государству. *С одной стороны*, люди отчетливо видят неудовлетворительность функционирования сложившихся форм конкретно существующих властных структур. Люди в массе чувствуют разобщенность со властью. Элита (особенно политическая и деловая) – скорее чужие для населения люди. Народ не верит в то, что власть может что-то для него сделать, и еще меньше – что хочет. Бюрократия не вызывает доверия. Власть видится в среднем 75 % населения коррумпированной и криминализованной. Причем опрос 1993 г., как показано выше, подтверждает, что люди вполне предвидели такое развитие событий и хотели бы тогда поддерживать тех политиков, которые смогли бы такое развитие предотвратить

(им была бы обеспечена более чем 80%-ная поддержка). С другой стороны, никаких других средств, кроме социально ответственного и достаточно сильного государства как средства выживания и исполнителя необходимых действий и властных полномочий для предотвращения криминализации, коррумпированности, оголтелости дикого рынка, для сохранения своей культуры и страны, которой хотелось бы гордиться людям, не видится и по-прежнему, хотя по отдельным пунктам и можно говорить о некотором снижении доли приверженцев идеи необходимости сильного государства, которая составляет 70–80 %.

У населения нет никакой надежды на государство с точки зрения повышения общей культуры в обществе, воспитания подрастающего поколения. На этом фоне (отсутствие моральных авторитетов, идейного единства, объединяющих политических пристрастий) хранителем нравственных и моральных устоев кому-то видится церковь. Но и здесь, хотя наибольшее ожидание от участия церкви в общественной жизни люди и связывают с поддержкой морали и нравственности, все равно эта роль отмечается менее чем половиной опрошенных, как в 1998 г. (ВЦИОМ), так и в 2008 г. (Левада-Центр).

Какую роль, по вашему мнению, должны играть в общественной жизни России церковь, религиозные организации?

	1998	2008
Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь	11	15
Поддерживать общественную мораль, нравственность	46	46
Способствовать общественному, национальному, политическому согласию	27	22
Удовлетворять духовные потребности верующих	36	37
Помогать сохранению культурных традиций	28	29
Поддерживать благотворительность и идеи милосердия	34	31
Помогать бедным и малообеспеченным слоям населения	39	30
Помогать развитию духовной литературы и искусства	14	13
Затруднились ответить	10	10

Следы работы общественного бессознательного можно уверенно обнаружить там, где почти нет дифференциации. Например, согласно данным ФОМ, полученным в опросе начала 2004 г., все группы населения (80–90 %) считают нужным «патриотическое воспитание».

И при этом, согласно данным ВЦИОМ (Пресс-выпуск № 1522):

Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет? (Закрытый вопрос, один ответ.)

	2005	2006	2008	2010
Да, безусловно	47	42	48	41
Скорее да	37	42	40	43
Скорее нет	8	10	6	9
Безусловно нет	2	2	2	1
Затрудняюсь ответить	6	5	5	6

Получается, более 84 % населения стабильно относят себя к патриотам (отвечая «да» и «скорее да»). Интересная деталь: при этом они не слышали, не знают (93 %) о существовании государственной программы «Патриотическое воспитание граждан России» (пресс-выпуск № 696). То есть это не отражение социального в индивидуальном бессознательном, а проявление действительно другого уровня – общественного бессознательного.

В опросе 2001 г. и многих других на тему «Важна ли для Вас семья» мы вновь встретим единодушие отвечавших (87 % отмечают: «очень важна», кроме группы молодых – всего 78 %). В вопросе о важности такой сферы жизни, как семья, ответивших так же уже 97 % (пресс-выпуск № 1524). Подобные показатели и в 1999, и в 2005, и в 2010 гг. Такие сферы, как дружба и любовь, набрали соответственно 92 и 86 %.

Однако как только вопросы переходят к детализации того, как проводить, к примеру, «патриотическое воспитание», сразу становится видно отсутствие в общественном сознании единства позиций, то есть, в отличие от бессознательного, налицо явная дифференциация групп и слоев, делающих реализацию всеми принимае-

мой необходимости самого воспитания без социальной интеграции, например с помощью подключения политической элиты, невозможной. Видимо, с этим связано то, что при различных манипуляциях общественным сознанием упор делается на лозунги, умолчание деталей, отсутствие доказательного рассмотрения проблем при социальных практиках навязывания людям (через СМИ и прежде всего телевидение) того или иного мнения или отношения и в предвыборной борьбе, и в рекламе товаров. И в том и в другом случае задача – не убедить, а сделать узнаваемым, «знакомым», не противоречащим традиционно принятому бессознательному.

В последние два десятилетия можно отметить возвращение интереса к обсуждению роли бессознательного и неосознаваемого в психической жизни людей. Кроме того, наблюдается волна интереса и к групповой динамике, общественному бессознательному при обсуждении основ социальной организации людей, возникновения солидарности, чувства идентичности в рамках социальной психологии. Общая психология также все более серьезно, на уровне эмпирических проверок, уточняет место и роль неосознаваемых когнитивных процессов, имплицитных сторон памяти, глубинных, неосознаваемых моментов в эмоциях.

В связи с разнообразием материала, трактующего базовые ценности больших сообществ людей, возникает вопрос о носителях этих ценностей. Тем более что такие системы ценностей (культуры, этноса, суперэтноса) имеют короткий список, мало чем напоминающий то, что с помощью того или иного метода дают результаты массовых опросов о декларируемых ценностных предпочтениях людей. К тому же детализация содержательного наполнения ценностей, как правило, ясно указывает на разное смысловое наполнение ценностей, выраженных одним и тем же словом, в разных социальных слоях.

Учитывая данные о групповой динамике (о фазах эволюции группы – Ориентация и зависимость, Конфликты и протест, Сплоченность и сотрудничество), полученные в практике групповой психотерапии (Bion 1961; Foulkes, Anthony 1957 и др.), можно ожидать появления проекции общественного бессознательного там, где

при массовых опросах практически не наблюдается дифференциации людей по их ответам. Сами вопросы при этом оказываются сформулированы достаточно общо, чтобы не провоцировать дифференциацию мнений, обязанную разным смыслам, стоящим за употребляемыми словами. Важно также помнить, что общественное бессознательное – это не Супер-Эго, не социальное в индивидуальном бессознательном, не просто скрытые от индивида социальные нормы и тем более не коллективное бессознательное. Общественное бессознательное – продукт всего общества с конкретной культурой как способа фиксации наилучшего компромисса или соответствия специфики природы и способа хозяйствования. Даже краткое обращение к результатам массовых опросов позволило выявить позиции, не изменившиеся с начала 90-х гг. до сегодняшнего дня, например ожидание повышения благосостояния всего населения, необходимость побороть коррупцию и проникновение во власть криминала. Осталась надежда на государство не в смысле патерналистских настроений, а как на организующую силу, которая могла бы создать условия для благосостояния и реализовать защиту от коррупции и криминала. При этом доверие к отдельным институтам нынешнего государства невелико.

Обращает на себя внимание то, насколько адекватными самым болезненным точкам текущего состояния общества оказываются те немногие из проявлений общественного бессознательного, которые удается зафиксировать, как и то, насколько они при этом насыщены нацеленностью на его здоровое будущее. То есть в общественном бессознательном зафиксированы реалии общества России, однако общественное сознание, постоянно поджигаемое культуртрегерством процессов глобализации, оказывается разрозненным и пока не готовым зафиксировать принимаемые всеми конкретные пути достижения оздоровления российского общества. При этом общественное бессознательное при консервации проблем общества само достаточно консервативно и не торопится к унификации с той скоростью, с какой происходят глобализация и унификация потребления (включая развлечения и т. п.).

Литература

- Выготский, Л. С.** 1982. *Собр. соч.*: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика.
- Кульпин, Э. С.** 2003. Эволюция ментальности российского общества. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и ментальность*. М.: Московский лицей.
- Смирнов, Л. М.**
2000. *Коллективное бессознательное и базовые ценности. Поиск истоков*. М.: ИВ РАН.
2003а. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян. В: Рябов, А. В., Курбангалеева, Е. Ш. (отв. ред.), *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*. М.: Дом интеллектуальной книги.
2003б. *Психозкология*. М.: Холодильное дело.
2005а. Общественное бессознательное современной России и его отражение в массовых опросах. *История и современность* 1: 162–175.
2005б. *Базовые ценности – поиск истоков*. Волгоград: Учитель.
- Смирнов, И. В., Безносюк, Е. В., Журавлев, А. Н.** 1995. *Психотехнологии*. М.: Прогресс.
- Тихомиров, О. К.** 1981. Теоретические проблемы исследования бессознательного. *Вопросы психологии* 2: 31–39.
- Balay, J., Shevrin, H.** 1988. The Subliminal Psychodynamic Activation Method: A critical Review. *American Psychologist* 43(3): 161–174.
- Bion, W.** 1961. *Experiences in Groups and Other Papers*. London: Tavistock.
- Bornstein, R. F., Masling, J. M.** 1984. Subliminal Psychodynamic Stimulation: Implications for Psychoanalytic Theory and Therapy. *International Forum for Psychoanalysis* 1(2): 187–204.
- Bornstein, R. F., Pittman, T. S. (eds.)** 1992. *Perception without Awareness*. New York: Guilford.
- Dixon, N. F.** 1981. *Preconscious Processing*. New York: Wiley.
- Foulkes, S. H., Anthony, E. J.** 1957. *Group Psychotherapy: the Psychoanalytic Approach*. Baltimore.
- Fudin, R.** 1986. Subliminal Psychodynamic Activation: Mommy and I are not yet One. *Perceptual and Motor Skills* 63: 1159–1179.
- Greenwald, A. G., Banaji, M. R.** 1995. Implicit Social Cognition: Attitudes, Self-esteem, and Stereotypes. *Psychological Review* 102: 4–27.

Greenwald, A. G., Banaji, M. R., Rudman, L. A., Farnham, S. D., Nosek, B. A., Mellott, D. S. 2002. A Unified Theory of Implicit Attitudes, Stereotypes, Self-esteem, and Selfconcept. *Psychological Review* 109: 3–25.

Hopper, E. 2000. From Objects and Subjects to Citizens: Group Analysis and the Study of Maturity. *Group Analysis* 33(1): 29–34.

Kihlstrom, J. F.

1987. The Cognitive Unconscious. *Science* 237: 1145–1152.

2007. The Psychological Unconscious. In John, O., Robins, R., Pervin, L. (eds.), *Handbook of Personality: Theory and Research*. 3rd ed. New York: Guilford.

Leung, K., Bhagat, R. S., Buchan, N. R., Erez, M., Gibson, C. B. 2005. Culture and International Business: Recent Advances and Their Implications for Future Research. *Journal of International Business Studies* 36: 357–378.

Marcel, A. J. 1983. Conscious and Unconscious Perception: An Approach to the Relations between Phenomenal Experience and Perceptual Processes. *Cognitive Psychology* 15: 238–300.

Ohman, A. 2005. Distinguishing Unconscious from Conscious Emotional Process: Methodological Considerations and Theoretical Implications (Unconscious Emotional Processes). In Dalglish, T., Power, M. (eds.), *Handbook of Cognition and Emotion*. Chichester: Wiley.

Tusche, A., Bode, S., Haynes, J.-D. 2010. Neural Responses to Unattended Products Predict Later Consumer Choices. *Journal of Neuroscience*, June 9, 30(23): 8024–8031.

Weinberger, J. 1992. Validating and Demystifying Subliminal Psychodynamic Activation. In Bornstein, R. F., Pittman, T. S. (eds.), *Perception without Awareness* (pp. 170–190). New York: Guilford.

Weinberger, J., Hardaway, R. 1990. Separating Science from Myth in Subliminal Psychodynamic Activation. *Clinical Psychology Review* 10(6): 727–756.

Williams, J. M. G., Watts, F. N., MacLeod, C., Mathews, A. 1997. *Cognitive Psychology and Emotional Disorders*. Ch. 11. Non Conscious Processes. Chichester, England: Wiley.

Winkielman, P., Berridge, K. C. 2004. Unconscious Emotion. *Current Directions in Psychological Science* 13: 120–123.

Winkielman, P., Berridge, K. C., Wilbarger, J. L. 2005. Unconscious Affective Reactions to Masked Happy versus Angry Faces Influence Consump-

tion Behavior and Judgments of Value. *Personality and Social Psychology Bulletin* 1: 121–135.

Winkielman, P., Knutson, B., Paulus, M. P., Trujillo, J. T. 2007. Affective Influence on Decisions: Moving towards the Core Mechanisms. *Review of General Psychology* 11: 179–192.

Winkielman, P., Zajonc, R. B., Schwarz, N. 1997. Subliminal Affective Priming Resists Attributional Interventions. *Cognition and Emotion* 11: 433–465.

Zajonc, R. B.

1980. Feeling and Thinking. Preferences Need no Inferences. *American Psychologist* 35(2): 151–175.

1984. On the Primacy of Affect. *American Psychologist* 39: 117–123.